

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА

В.А. Корнилов

Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века

В истории России армия всегда играла очень большую роль. Практически все политические действия царизма опирались на поддержку вооруженных сил. В свою очередь, русская армия была важнейшим объектом политики правительства. Об этом и идет речь в статье.

В первой половине XIX века в правящих кругах России был широко распространен взгляд, высказанный еще А. Смитом, что постоянная армия — «удобное средство соединения народных сил для достижений целей государства» [33: с. 50]. Обоснование приоритета армии в государственной жизни осуществлялось не только военными. Господствовавшие тогда официально экономические концепции рассматривали армию как один из источников общественного богатства. Примером может служить точка зрения российского министра финансов Е.Ф. Канкрин, который на протяжении многих лет определял экономическую политику правительства. Он писал:

«Многим, пожалуй, покажется странным, что говорим мы о трудах солдатов военного, т.е. об ученьях, экзерциях, парадах, поставой, сторожевой службе и т.д., но все это — нет никакого сомнения — входит в сферу производства, все это — работы, хотя и не прямо, но все-таки производительные, ценность которых обнаруживается в полном блеске, когда наступает война» [14: с. 45]. Аргументы Канкрин довольно показательны. Развитие армии наиболее губительно отражалось на состоянии финансов. Канкрин это прекрасно понимал и тем не менее отстаивал точку зрения о необходимости сильной армии.

В первой половине XIX века военные и правительственные круги России наиболее благоприятным условием внешней безопасности страны оценивали «вооруженный мир». Позднее смысл этой формулы удачно выразил известный военный теоретик А.Ф. Редигер: «...настоящая война ведется в мирное время» [31: с. 2]. Это означало, что безопасность страны, успех любой войны определялся прежде всего наращиванием военных сил в

мирные годы. Подобная позиция получила широкое развитие во всех крупнейших европейских странах, но в каждой из них отличалась своеобразием трактовки.

Среди русского военного командования преобладала точка зрения, что военная подготовка в мирное время главным образом должна быть направлена на поддержание высокой численности войск, превосходящей состав армий даже не одного, а нескольких потенциальных противников. Такой взгляд сформировался в значительной степени под влиянием опыта Отечественной войны 1812 года, во время которой русская армия не имела достаточной численности своего состава и не смогла сколько-нибудь его значительно увеличить вплоть до изгнания наполеоновских войск из России. Но по данным Главного штаба 1812 года, в результате трех крупных наборов было собрано 446,5 тыс. рекрутов, но, что удивительно, ни один из них не был использован в сражениях Отечественной войны [19]. Победа обошлась очень дорогой ценой — разорением страны. Из этого можно было сделать вывод о необходимости многочисленной армии не только во время войны, но и в период относительного мира.

Действовавший в России способ комплектования армии считался дешевым для государства. При этом во внимание принимались только прямые расходы на привлечение к службе солдат. Рекрутская повинность действительно требовала значительно меньше государственных затрат, чем, например, вербовка, принятая в ряде европейских стран. Поэтому последствиям от постоянного наращивания численности войск царизм практически не придавал никакого значения. Понимание военной мощи у правительства и генералитета было односторонним, как систематическое увеличение штатного состава армии.

Рост численности армии в первой половине XIX века прослеживается по следующим данным (тыс. человек)¹ (табл. 1).

¹ В исторической литературе встречаются разнообразные данные о численности русских войск. Это объясняется особенностями источников. Во-первых, Военное министерство оперировало тремя видами статистики: «по штату», «по списку» и «налицо». Например, в начале 1833 г. «по штату» предусматривалось 840,4 тыс. нижних чинов, «по списку» числилось 863,6 тыс., а «налицо» было 742,5 тысячи [38]. Во-вторых, даже в мирное время в течение года происходили большие колебания численности войск. В том же 1833 г. на конец года «налицо» было уже 675,7 тыс. нижних чинов [38: л. 228]. В-третьих, подсчеты производились, включая офицерский корпус и без него. В 1833 г. на службе числилось 22,0 тыс. офицеров. В-четвертых, исследователи не всегда учитывают, что сухопутные вооруженные силы подразделялись на регулярные и иррегулярные, основную массу которых составляли казачьи части. Как правило, Военное министерство пользовалось данными без учета численности казачьих войск. С учетом особенностей казачьей службы численность нижних чинов иррегулярных войск в начале 1833 г. была следующей: «по штату» — 71,2 тыс., «по списку» — 185,0 тыс., «налицо» — 142,5 тысячи [38: л. 229]. В таблице приводятся данные «по штату» на начало года без казачества и офицерства.

Таблица 1

Численность русской армии

Год	1802	1812	1822	1832	1842	1852
Тыс. чел.	416,8	576,6	856,7	795,4 ¹	930,3	1142,1

Возрастание численности регулярной армии сопровождалось общим увеличением числа лиц, находившихся на военной службе. В первой половине XIX века заметно повышалась потребность в хозяйственном обслуживании армии. При отсутствии рынка вольнонаемной рабочей силы все отрасли военного хозяйства комплектовались принудительно, путем рекрутства. Кажущаяся дешевизна рекрутской повинности служила своеобразным оправданием использования низших чинов для вспомогательных служб и даже для военного производства. Рекруты и нижние чины направлялись в качестве мастеров, подмастерьев и их учеников на полки, занимались хозяйственным обслуживанием арсеналов и крепостей, были служителями госпиталей, типографий, военных канцелярий, таможен, использовались на различных работах пороховых и оружейных заводов, несли полицейскую службу в городах и т.п. Все это лишь условно могло быть отнесено к военной службе и служило для непосредственного обеспечения безопасности страны. Развитие вспомогательных видов службы скорее показывает процесс натурализации военного хозяйства в условиях крепостничества. Неблагоприятные явления в экономике России сказываются и на ее военном потенциале, правительство пыталось нейтрализовать путем дальнейшего обособления армии и военного хозяйства. В результате заметно возрастал состав нестроевых военнослужащих.

Обычно в официальных отчетах не приводилась общая численность военнослужащих. Лишь в некоторых расчетах Комиссариатного департамента Военного министерства, ведавшего довольствием армии, можно встретить данные о полной численности военнослужащих. Так, например, в 1812 году на военном довольствии находилось 770,3 тыс. человек, а через 10 лет, к началу 1822 года, на довольствии Комиссариатского департамента состояло уже 1160,8 тыс. [2: л. 1]. С учетом смертности, дезертирства и злоупотреблений чиновников эти данные были несколько завышенными, но все равно общее количество военнослужащих намного превышало численность строевого состава армии. Таким образом, возрастание боевой части армии в условиях крепостничества сопровождалось еще более значительным ростом вспомогательных служб и, следовательно, общей численности войск. Означала ли высокая численность военнослужащих рост боевой мощи армии и военного потенциала страны в целом?

¹ По признанию Инспекторского департамента Военного министерства, данные 1832 года неточны. Более достоверны данные 1833 г. — 840,4 тыс. [34: с. 61–62].

Комплектование армии осуществлялось на основе рекрутской повинности. Она распространялась на все податные сословия христианского населения России. Рекрутская повинность предполагала полный разрыв поступающего на военную службу со своим сословием, а в большинстве случаев и со своей семьей, местом жительства и традиционными занятиями. На протяжении первой половине XIX века срок военной службы составлял двадцать пять лет¹. Это означало, что численный состав армии был постоянным и существенно не менялся по условиям военной или мирной обстановки [9: с. 120].

Длительный срок службы — один из важнейших принципов рекрутской повинности. Определялось это прежде всего внутривластными соображениями. Рассматривая вопрос о продолжительности службы в армии, общее собрание Государственного совета 6 июля 1831 года особо подчеркивало, что «правила для рекрутских наборов и времени службы» основаны на «крепостном праве на людей». С этой точки зрения сокращение срока службы было нежелательно. Специально оговаривалось, «чем менее будет возвращаться солдат в селения, тем удобнее сохранять в них простоту нравов, желаемое благоустройство и тишину» [28]. Как видно из приведенного мнения Государственного совета, внутривластные проблемы довели над правительством и решение стратегических задач государственной безопасности происходило с крепостнических позиций, мало учитывало объективные потребности развития армии.

Военно-политический курс царизма, направленный на поддержание постоянно высокой численности воинского персонала имел отрицательные последствия прежде всего для военного потенциала России. Рекрутская повинность исключала возможность оперативного вовлечения в военные действия дополнительной людской силы, плохо влияла на качественный состав армии, морально-психологическое состояние войск и подготовку унтер-офицерского и офицерского состава. Рекрутская повинность истощала экономику и людские ресурсы страны.

В первой половине XIX века основная часть государственного бюджета России шла на военные нужды (табл. 2).

¹ В 1818 г. срок действительной службы для гвардии был сокращен до 22 лет, а в 1829-м г. до 20 лет. Для армии в 1829 г. срок действительной службы был сокращен до 22 лет, а в 1834-м, так же как и в гвардии, — до 20 лет. При этом общий 25-летний терминал сохранялся. Предусматривалось, что после 20-летней «бессрочной службы» нижние чины по их желанию увольнялись в бессрочный отпуск на 5 лет. Во время бессрочного отпуска они в любой момент могли быть призваны на действительную службу. В 1840-х гг. в бессрочный отпуск увольнялось незначительное число военнотружущих, ежегодно около 20 тыс. [34: с. 120]. Это не создавало достаточного резерва. В 1848–1849 гг. во время революционных событий в Европе бессрочноотпускные были призваны на действительную службу. Всего удалось собрать 176,5 тыс. бессрочноотпускных [34: с. 138].

Таблица 2

Рост военного бюджета [22: Т. 1, с. 2]¹

Год	Государственные расходы в целом	Расходы на содержание сухопутной армии	
	млн руб. (100%)	млн руб.	%
1805	127,8	45,2	35,4
1810	241,5	32,0	38,8
1815	382,2	208,0	54,4
1820	504,2	179,9	35,6
1825	392,0	151,8	38,7
1830	403,1	163,8	40,6
1835	490,7	193,9	39,5
1839	525,9	196,8	37,4

В 40-х годах XIX века доля военных расходов существенно не изменилась и составила в 1840 году 37,7%, в 1849 г. 40,4 % [22: Т. 1, с. II].

Приведенные данные показывают, какими были военные расходы в годы относительного военного затишья. Их доля в государственном бюджете менялась незначительно. Абсолютные показатели затрат на содержание армии из года в год возрастали даже с учетом падения курса ассигнационного рубля.

Высокий уровень военных расходов всегда обременителен для страны, но их последствия могут быть различными. Использование части военного бюджета для финансирования военного производства может в отдельные периоды стимулировать развитие производительных сил. Напротив, высокие непроизводительные затраты для нужд армии могут оказывать парализующее влияние на экономику. Чтобы ответить на вопрос о последствиях от высокого уровня военных расходов для экономики России первой половины XIX века необходимо выяснить, как выглядела структура использования средств.

¹ Расчеты о размерах военных расходов часто страдают большой неточностью, особенно в первой четверти XIX в. Организационная неразбериха возникла из-за того, что часть средств отпускалась из Государственного казначейства непосредственно в армию, другая часть очень нерегулярно перечислялась через департаменты Военного министерства, где задерживалась на неопределенное время. Нередко Военное министерство в обход финансовых органов государства использовало свободные средства для валютных операций и выгодных коммерческих сделок. Получаемая прибыль также шла на военные нужды, но официально не учитывалась. Бюрократические хитрости различных ведомств создавали дополнительные разночтения. Например, суммы во всеподданнейших отчетах министра финансов, отчетах Государственного казначейства и военных отчетах во все годы сильно отличались друг от друга. Отсутствие четкой системы в расходовании средств на военные нужды приводило к тому, что правительству так и не удавалось установить подлинную картину расходов. Особенно это проявлялось в военные годы. Так, в 1819 г. правительство задалось целью выяснить, во что обошлась Отечественная война 1812 г. и последующие заграничные походы. Подсчеты велись восемь лет. Выяснилось, что с 1812 по 1817 г. на войну было истрачено 494,7 млн. руб. [35: л. 21].

Из этой фантастической по тем временам суммы так и не удалось подтвердить достоверными сведениями использование более 200 млн. руб. [35: Т. 44, д. 472, л. 17–18].

Военное министерство расходовало деньги через четыре основных департамента: *Комиссариатский, Провиантский, Артиллерийский* и *Инженерный*. Через комиссариат средства шли на жалование, обмундирование, содержание госпиталей и военных сирот, а также на приобретение строевых лошадей. Следовательно, основные расхода этого департамента были связаны с текущими расходами на содержание личного состава армии. Никаких стратегических запасов не создавалось. Исключение составляет приобретение лошадей, но в общих расходах по Комиссариатскому департаменту это составляло ничтожно малую сумму, не превышавшую даже в военные годы 0,4 %.

Средства по Провиантскому департаменту шли исключительно на продовольствие войск и фураж для лошадей. Следовательно, и здесь в своей основе расходы носили текущий характер и полностью зависели от численности личного состава. Стратегических запасов по линии провианта практически не создавалось.

Провиантский и Комиссариатский департаменты безвозвратно поглощали огромное количество товарной продукции, производимой в сельском хозяйстве и кустарной промышленности. В районах сосредоточения армий¹ поглощалась практически вся товарная продукция, а во время войн у населения принудительно, в долг (выдавались особые квитанции), изымалась даже жизненно необходимая часть продукции. С учетом слабого развития производительных сил страны и низкой товарности сельского хозяйства такое непроизводительное поглощение наиболее массовой продукции серьезно ограничивало расширение рынка.

Иная картина с расходами по Артиллерийскому и Инженерному департаментам. Здесь тоже часть расходов были текущими — отопление казарм и госпиталей, содержание личного состава немногочисленных инженерных войск и артиллерии. Основные расходы по этим двум департаментам шли на содержание оружейных и пороховых заводов, арсеналов, на ремонт и строительство крепостей, дорог, мостов, организацию военного транспорта, на приобретение оружия и боеприпасов. Таким образом, в сфере деятельности Артиллерийского и Инженерного департаментов создавались стратегические запасы, которые существенно влияли на боевой потенциал армии и косвенно способствовали развитию производительных сил страны.

Как складывалось соотношение расходов по всем четырем департаментам? Для этого обратимся к сметам расходов Военного министерства:² (табл. 3).

¹ В первой половине XIX в. основными районами расквартирования войск были юг Украины, Кавказ, западно-белорусская и литовская губернии, а также окрестности Петербурга.

² Сумма расходов по сметам была ниже фактических затрат на армию, поэтому цифры данной таблицы не совпадают с предыдущей, где приводятся суммарные данные по казачеству. Отчеты показывают более достоверную картину, но они не позволяют выявить структуру расходов, так как деньги отпускались не только через департаменты Военного министерства, но и непосредственно из казначейства войскам без указания статей расхода. Было бы более достоверно проследить структуру военных расходов России на основе полковых документов, но этот вид источников на сегодняшний день не поддается обработке в полном объеме.

Таблица 3

Структура расходов Военного министерства в первой половине XIX века (млн руб.)¹

Год	Общая сумма военного бюджета (100%)	Комиссариатский департамент		Провиантский департамент		Артиллерийский департамент		Инженерный департамент		Департамент военных поселений		Военные учебные заведения ²		Содержание аппарата Военного министерства	
		Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%	Сумма	%
1804	42,7	22,2	52,0	16,4	38,4	2,7	6,3	1,4	3,3						
1805	42,6	22,5	52,8	16,8	39,4	1,9	4,5	1,4	3,3						
1806	49,7	27,6	55,6	16,4	33,0	3,1	6,2	2,6	5,2						
1807	62,1	33,0	53,1	22,2	35,8	4,2	6,8	2,7	4,3						
1830	135,7	77,1	56,8	48,5	35,7	4,2	3,1	5,9	4,4						
1831	146,0	76,6	52,5	57,9	39,7	5,0	3,4	6,5	4,4						
1832	140,0	74,9	53,4	52,0	37,1	4,5	3,2	5,2	3,7			3,7	2,6		
1833 ³	149,3	78,1	52,4	57,5	38,5	4,4	2,9	5,6	3,7			3,7	2,5		
1847	64,5 ⁴	28,7	44,5	28,5	44,1	2,3	3,6	1,4	2,2	2,3	3,6	1,3	2,0		
1848	72,1	34,0	47,2	29,2	40,5	3,0	4,1	1,6	2,2	2,3	3,2	1,5	2,1	0,5	0,7
1849	77,3	34,0	44,0	34,3	44,4	3,1	4,0	1,8	2,3	2,1	2,7	1,6	2,1	0,4	0,5
1850	68,4	29,1	42,6	31,0	45,3	2,4	3,5	1,5	2,2	2,3	3,4	1,6	2,3	0,5	0,7

¹ В 1804–1833 гг. — в ассигнациях; в 1847–1850 гг. — по курсу серебряного рубля.² К концу 1840-х гг. военные поселения существенно сокращались, расходы по ним заметно уменьшались. По данному департаменту главным образом стали проводить средства на ремонт казарм, складов, полковых церквей; содержание отдельных небольших воинских команд, на оплату домов высших военных чиновников, а также для оплаты части долгов военного ведомства.³ В 1833 г. существовала еще дополнительная смета на содержание войск, находившихся в Польше на военном положении [36].⁴ В 1847 г. дополнительно планировалось израсходовать для потребностей военного ведомства 5,7 млн руб., но через Министерство финансов [37: л. 304]. Источники: Ф. I. Оп. I. Д. 774 (л. 190). Д. 934 (л. 307). Д. 1067 (л. 259). 1830 г.-ф. I. Оп. I. Д. 7603. Л. 415–416. 1831 г.-д. 7835. Л. 287. 1832 г.-д. 8404. Л. 53, 61, 76–77, 98–100, 208–209. 1833 г.-д. 9083, Л. 56, 133, 203, 220, 306, 1847 г.-ф. I. Оп. I. Т. 44. Д. 19. Л. 42, 74, 153, 212, 271, 292. 1848–1849 гг.-д. 1870. Л. 54–55, 101–102, 124–125, 242–243, 290–296, 311–317, 319–322. 1850 г.-д. 1976. Л. 16–17.

В начале 30-х годов структура расходов несколько расширилась. Выделены отдельно средства на содержание военных учебных заведений и военных домов. Эта статья условна, так как сюда включались расходы и по некоторым другим учебным заведениям, например Царскосельский лицей (в 1832 году — 161,5 тыс. руб.). Сюда же скрывались расходы, которые не имели никакого отношения к учебным заведениям. Например, различные доплаты к жалованью генералитета и высшего офицерства.

На протяжении первой половины XIX века структура расходов несколько менялась, но главное соотношение оставалось практически постоянным. Комиссариатский и Провиантский департаменты поглощали около 90% всех военных расходов. Иными словами, армия «проедала» военный бюджет. На развитие военного производства, всякого рода стратегические накопления средств просто не оставалось. Доля военных заказов в промышленном секторе экономики относительно других военных расходов за пятьдесят лет сократилась примерно на 40%. Это означало, что в отношении промышленности стимулирующая роль военных заказов падала. Главная причина этого явления скрывалась в способе комплектования войск — рекрутской повинности. Военная стратегия, основанная на поддержании высокой численности войск, обрекала Россию на военно-техническое отставание от более развитых стран, что особенно наглядно проявилось во время Крымской войны.

Расточительное использование военного бюджета еще больше обостряло дефицит свободных капиталов в стране. В свою очередь, это сковывало рост деловой активности и являлось одной из важнейших причин нарастания застойных явлений в экономике России к середине XIX века. Упорство, с которым правительство осуществляло нерациональное использование значительной части государственного бюджета, было ярким проявлением кризиса политики царизма.

Огромные затраты на содержание личного состава армии диктовали необходимость жесточайшей экономии средств. Не касаясь главного — рекрутской повинности, — правительство экономило за счет приобретения провианта по более низким ценам. Армия была плохо обеспечена казармами и продолжала квартироваться на основе постоянной повинности. Солдаты, находившиеся на постое, разделяли и без того скудный стол хозяев, усиливая скученность в жилищах и были лишены медицинского обслуживания. Жесткие меры по экономии средств на содержание войск не приводили к улучшению структуры военных расходов. С другой стороны, они не позволяли сколько-нибудь заметно улучшить материальные условия и быт армии. Тяжелейшие условия солдатской службы описаны во многих документах, исторических работах и мемуарах. Здесь уместно привести некоторые сопоставительные данные. По подсчетам Военного министерства, сделанным сразу после окончания Крымской войны, в 1846 году содержание одного

солдата обходилось в 66 руб. 46 коп. в год¹, что составляло около 30% аналогичных затрат в ведущих европейских странах [18]. Это отражалось на нравственном и физическом состоянии войск, снижало их боевые возможности [15].

Постоянно возрастающая численность армии означала прогрессирующий процесс отвлечения значительной части населения от производительного труда. В первой половине XIX века этот процесс превышал все допустимые пределы. Для наглядного представления могут быть использованы подсчеты числа военнотружущих, приходящегося на тысячу душ мужского населения. Если воспользоваться данными ревизий и учитывать только строевой состав армии (как уже отмечалось, общий состав был значительно выше)², то на одну тысячу мужского населения приходилось следующее число военнотружущих: 1811 год — 27,8; 1833 год — 32,9; 1850 год — 38,9 [12: с. 5]. Эти подсчеты показывают, что рост численности армии в первой половине XIX века происходил не только в абсолютных размерах, но и относительно численности населения.

Число военнотружущих, приходящихся на тысячу душ мужского населения, в России было очень велико. Для сравнения приведем сведения Военного министерства о соотношении на тысячу душ мужского населения в европейских странах: Франция — 20, Австро-Венгрия — 14, Пруссия — 12 [18]. Сравнивая эти показатели, нетрудно прийти к выводу, что высокая численность армии в мирное время наносила наибольший экономический ущерб России. Учитывая, что уровень развития российской экономики серьезно уступал западноевропейским странам, то ущерб от отвлечения работоспособного населения от производительного труда был еще более значительным.

Посредством рекрутской повинности армия поглощала значительную часть прироста мужского населения. Это видно из следующих данных: с 1802 по 1825 год прирост мужского населения составил около 4 млн человек. За это же время было собрано 2 млн рекрутов. На протяжении трех десятилетий, с 1826 по 1855 год прирост населения составил 5,1 млн человек; одновременно было собрано 2,8 млн рекрутов [5].

Рекрутская повинность не была всеобщей. От нее освобождались привилегированные сословия, население ряда окраин (например, Кавказа), нехристианские народы, казачество, колонисты, ссыльные переселенцы и другие. В результате рекрутская повинность распространялась только на часть населения. По официальной статистике, в 1800 году из 19,5 млн. человек мужского населения рекрутскую повинность несло 15,9 млн, или 81,5%. В 1850-х годах количество жителей, несущих рекрутскую повинность натурой, несколько снизилось. По 10-й народной переписи 1857 года, мужское население России составляло 29,6 млн, а рекрутскую повинность выполняло 23,6 млн, или

¹ По другим источникам затраты на одного солдата были еще ниже и составляли 57 руб. в год [39].

² По данным Военного министерства в середине XIX в. «на продовольствии казны» находилось до 50 человек на тысячу душ мужского населения.

79,7% [20]. Прямые последствия от рекрутской повинности сказывались на трудящемся населении русских, украинских, белорусских губерний и Прибалтики. Здесь в армию попадало 60–70% естественного прироста населения. В отношении некоторых сословий, особенно крепостного крестьянства, это приводило к необратимым последствиям: так, рекруты из крепостных навсегда теряли крепостную зависимость и существенно снижали прирост крепостного населения.

Вопрос об экономических последствиях от содержания многочисленной армии на протяжении первой половины XIX века вставал неоднократно. Известный русский экономист, хорошо разбиравшийся в вопросах военной администрации, Н.С. Мордвинов многократно высказывал свою точку зрения об огромном вреде от «отделения многочисленной части народа по летам, красоте и крепости сил телесных составляющей изящный цвет государства». Являясь членом Государственного совета, Мордвинов регулярно при обсуждении государственного бюджета возвращался к вопросу об ущербе от содержания огромной армии постоянного состава. В своих записках он прямо указывал: «Россия по числу народонаселения своего не может содержать число войск, в списках военных министерств ныне находящихся» [17: с. 37]. Точка зрения Мордвинова была хорошо известна в правительственных кругах, но все его аргументы игнорировались как в начале века, так и в 30-х годах.

Нельзя сказать, что экономический ущерб от высокой численности войск оставался совсем незамечен. При неизменности подхода к этой проблеме среди русских военных специалистов сложился взгляд, будто экономический ущерб от высокой численности армии Россия терпит меньше, чем другие европейские страны. Объяснялось это тем, что в аграрной стране, со сравнительно невысокой интенсивностью труда, такой ущерб был много ниже, чем в более развитых странах с высокой интенсивностью трудовой деятельности населения [5]. При этом делались подсчеты о количестве рабочих дней в году, о производстве продукции в единицу времени в России и других странах. Получалось, что в суммарном выражении отвлечение рабочих рук в армию даже в больших масштабах не имело таких последствий, как в Англии, Франции и Пруссии. Подобные выводы действовали успокаивающе на правительство. Что касается более далеких выводов о том, что армия поглощала большую часть прироста населения и тем самым способствовала консервации в России экстенсивных форм организации хозяйства, то они тогда просто не возникали.

В экономике России первой половины XIX века господствовали экстенсивные формы крепостнического хозяйства. Вместе с тем к середине века становится заметен и некоторый прогресс. Рост интенсивности труда и квалификации населения хотя и медленно, но повышались. Это особенно было заметно в промышленности и всякого рода промыслах. Поэтому последствия от рекрутской повинности и связанных с ней массовых, как правило, необратимых отвлечений населения от производительного труда на протяжении первой половины XIX века были различны. В начале XIX века это не оказы-

вало столь угнетающего воздействия на экономику, как накануне и особенно в годы Крымской войны. В конечном итоге отрицательные последствия от малообоснованных массовых отвлечений наиболее трудоспособной части населения от хозяйственной деятельности предопределяли общее снижение военного потенциала страны.

Рекрутская повинность не была личной. Рекрут отбывал службу не за себя, а за свое сословное общество. Сложности расчетов рекрутских очередей внутри общины, равно как и стремление помещиков избавиться от нежелательных крестьян, часто приводили к тому, что в рекруты попадали люди самых разных возрастов. По действовавшим правилам, рекрутов принимали в возрасте от 17 до 35 лет, но официальная статистика фиксировала случаи приема рекрутов и в возрасте до 40 лет. В 1804–1809 годах было проведено пять рекрутских наборов. Всего было принято 403, 6 тыс. рекрутов. Из них 117,6 тыс. [25] были в возрасте от 25 до 40 лет (41,1%). К середине XIX века положение с приемом рекрутов более старших возрастов изменилось мало. С 1840 по 1855 год было произведено 19 наборов, во время которых было принято 1,5 млн рекрутов. Из них 423,5 тыс. [32] были в возрасте от 25 до 40 лет (38,5%). Учитывая двадцатипятилетний срок службы, невысокую продолжительность жизни народа в первой половине [32] XIX века и особые тяготы военной службы, поступление рекрутов старших возрастов практически обрекало их на смерть в армии¹.

Крайне тяжелые условия службы приводили к тому, что основная масса солдат старше 30 лет была не в состоянии служить в действующей армии и переводилась во вспомогательные части, войска внутренней стражи или инвалидные роты. Данные о рекрутских наборах показывают, что часть принятых рекрутов по своему возрасту изначально не могли пополнить действующие армии и направлялись в запасные и вспомогательные подразделения. Например, в 1815 году в Военное министерство шел поток рапортов командиров полков, которые с тревогой доносили, что поступали рекруты не только старших возрастов, но среди них было немало 50- и даже 60-летних. Большинство из них были приняты из имений помещиков по 85-му набору (конец 1813 года). В фондах Инспекторского департамента Военного министерства только по 5-му набору сохранились списки более чем на тысячу таких рекрутов [24]. Прием рекрутов старших возрастов создавал мнимую картину роста боевого потенциала армии. Такое численное увеличение войск лишь формально создавало большую армию. Практически же это приводило к наличию в армии большого числа рядовых, которые не могли быть использованы в серьезных боевых операциях. Другой стороной этого явления были дополнительные затраты на содержание войск, то есть бесполезное расходование военного бюджета на непроизводительные цели.

¹ По данным Рекрутского комитета, в середине XIX в. в России в среднем из 1029 тыс. умерших было только 167 тыс. в возрасте старше 50 лет (16,2%); все остальные не доживали до этого возраста [32].

Комплектование армии на основе рекрутской повинности содержало целую систему мер, направленных на изменение человека. Из рекрутов старательно изгонялись принятые в народе индивидуальные качества, традиционные обычаи и нормы поведения. Еще в начале XIX века один из крупнейших деятелей военной администрации николаевской эпохи И.И. Дибич, рассуждая о качествах солдата, выделял два важнейших качества: в физическом отношении — «здоровье и крепкое сложение», в нравственном — «исполнение должного Богу» [6: с. 2, 129]. На практике это означало полное игнорирование индивидуальных качеств солдата. Более того, индивидуальные склонности и черты рекрутов, недостаточно закаленных в сложных жизненных ситуациях, изначально подрывались.

Прежде всего рекрутов стремились оторвать от привычных условий жизни. В официальных документах подчеркивалось, что солдат должен быть лишен «всех связей семейных и родственных». Только при этих условиях он может с «самоотвержием переносить все нужды, труды и опасности военные» [15]. Практически это достигалось путем перемещения рекрутов из одних губерний в другие, более удаленные от мест приема. Во всех наборах это соблюдалось неукоснительно. Например, незадолго до 82-го набора в Военном министерстве было составлено секретное предписание всех рекрут отправлять в «батальоны внутренних губерний, а именно: из Вильны — в Тверь, из Гродны — в Калугу, из Минска — в Москву...» [27]. Этот пример особенно показателен, так как весной 1812 года главная потребность в людях была в западных и юго-западных губерниях, где сосредоточивались основные силы русской армии. Каждый рекрутский набор сопровождался составлением сложных расписаний следования рекрутских партий. Каждая партия не превышала 50 человек. Нередко были партии по 10–15 человек. Путь партии от дома до места службы был не менее 700–750 верст, или 19–20 дней в дороге. Основная масса рекрутских партий проделывала путь в 1000–1400 верст, или 40–50 дней в дороге. Составлялось много встречных маршрутов. Отрыв от родных мест, тяжелые многодневные переходы, новая обстановка подрывали у рекрутов типичные крестьянские взгляды, вырабатывали отчужденность по отношению к гражданскому населению. Для многих рекрутов это сопровождалось глубоким душевным надломом. После вступления на службу рекруты, как правило, испытывали общую безысходность и равнодушие даже к собственной судьбе.

Подъему морального духа армии в первой половине XIX века большого значения не придавалось. Примеров действий военной администрации по общему воодушевлению войск очень немного. Поэтому особенно показателен случай, подробно описанный Мордвиновым. В конце XVIII века из однодворцев было сформировано десять мушкетерских полков по условиям 15-летней службы. Как отмечал Мордвинов, только лишь одно ощущение перспективы вернуться домой делало эти полки по боевым качествам много выше по сравнению с полками, сформированными по традиционной рекрутской системе. Он приводил такие факты: если в обычных полках «выводили во фронт не

более 500, тогда из однодворческих по 1200 и по 1300 человек; когда в тех находилось в больных до 400 человек, тогда в сих не свыше 70 человек, когда там бежавших в течении одного года счисляемо было по 100 и более человек, тогда здесь впродолжение 4 лет ни одного не было...» [17]. Приведенный пример показывает, насколько губительно сказывалось рекрутство на моральном и физическом состоянии армии.

Высокая численность войск, поддерживаемая за счет большой продолжительности службы, неустроенность солдатского быта, а также гнетущая атмосфера армии были главными причинами большой смертности солдат. По данным Военного министерства, за 1800–1809 годы умерло 221,8 тыс. солдат. Это намного превышало потери от боевых действий. В эти годы, во время больших войн, число убитых, взятых в плен и пропавших без вести составляло 101,1 тыс. человек [30]. К середине XIX века положение практически не изменилось. За четверть века, с 1826 по 1850 год, в армии умерло 1,1 млн человек, а погибло на полях сражений — чуть больше 30 тыс. [10: с. 328].

Только единицы солдат могли выслужить полный 25-летний срок. По данным Инспекторского департамента Военного министерства, на 1820 год из 826,1 тыс. солдат 25-летний срок выслуживало не более 3,5 тыс. в кавалерии это составляло соотношении 1 на 380 человек, в пехоте — 1 на 210 человек, в артиллерии — 1 на 564 чел. [23].

Постепенно смертность в армии сокращалась, но изменения происходили крайне медленно. По подсчетам слушателей Николаевской академии Генерального штаба, высокий уровень смертности сохранялся даже накануне Крымской войны [8: с. 363] (табл. 4).

Таблица 4

Уровень смертности накануне Крымской войны

Год	1841	1842	1843	1844	1845	1847	1850
Число умерших на 1 тыс. солдат	42,0	39,5	33,5	34,5	37,1	41,0	40,6

Подсчеты сделаны по годам, когда не было активных военных действий и армия не имела боевых потерь. Главная причина высокой смертности заключалась в системе рекрутской повинности. Как уже отмечалось, из-за продолжительной службы в армии было много солдат старших возрастов, среди которых смертность была особенно высока. Стабильно высокая численность войск создавала огромные бюджетные трудности. Средств на улучшение бытовых условий армии не хватало. Во время постоя питание солдат вообще не было организовано. Как отмечали военные историки, «при своей усиленной работе солдаты должны были вместе с жителями терпеть лишения в неблагоприятное для довольствия нашего крестьянина время, а именно весной» [2: л. 1]. Наибольшее число смертных случаев приходилось именно на весенний период.

Принудительный характер рекрутства создавал в армии гнетущую атмосферу. Особенно болезненно это переживалось вновь принятыми рекрутами. Было большое число самоубийств (табл. 5).

Таблица 5

Статистика трагических случаев в армии [9: с. 364]

Год	Скоропостижно умершие	Убийства	Самоубийства	Несчастные случаи	Гибель по неизвестным причинам	Всего
1841	1267	109	344	461	101	2282
1842	1231	141	263	274	131	2040
1843	1178	160	179	332	168	2017
1844	631	129	152	179	53	1144
1845	942	72	166	326	106	1612
1846	1308	57	185	463	174	2187
1847	1407	51	186	342	137	2123

Таблица 5 составлена по данным традиционных пунктов отчетов командиров частей. Приведенная статистика очень формальна, так как очень трудно понять разницу между самоубийством и несчастным случаем или скоропостижной смертью. Обычно случаи, обозначенные словом «удавился», записывались как самоубийства. Если солдат утонул или застрелился, то это фиксировалось как несчастный случай. Скоропостижная смерть, несчастные случаи, гибель по неизвестным причинам часто скрывают также самоубийства. С учетом этих пояснений становится ясно, что самоубийств было много и они характеризуют обстановку безысходности, в которой пребывали военнослужащие низших чинов.

Высокая смертность не только сокращала численность армии и требовала новых значительных пополнений за счет рекрутов. Она деморализовывала армию. По мнению офицеров той эпохи, «вероятность умереть на службе имеет последствием равнодушие при исполнении служебных обязанностей». Уровень смертности является важнейшим показателем качества армии. Оценивая с этих позиций русскую армию середины XIX века, приходится констатировать крайне медленное улучшение ее морального состояния и боевых качеств рядовых военнослужащих.

Непомерная тяжесть и непопулярность в народе рекрутской повинности порождали многочисленные случаи дезертирства рекрутов и солдат. В годы, когда наборы были значительными и рекрутская повинность была особенно непопулярной, дезертирство возрастало. Наиболее заметен этот процесс в начале XIX века (табл. 6).

Таблица 6

Дезертирство рекрутов [29]

Год	Принято рекрутов	Из них дезертировало	Число дезертиров на 1 тыс. рекрутов
1798	32 104	118	3,7
1799	45 564	212	4,6
1802	52 090	141	2,7
1803	55 512	231	4,1
1804	25 848	54	2,1
1805	105 659	1345	12,7
1806	149 260	3144	21,1
1807	200 374	3918	19,6
1808	48 009	1599	33,3
1809	83 696	1935	23,1
1810	36 645	1086	12,5

Ближе к середине XIX века дезертирство рекрутов сильно сократилось. За десятилетие, с 1840 по 1849 год, бежало менее 1 тыс. рекрутов [34: с. 224–228]. В этом свою роль сыграли жесткие карательные меры не только по отношению к беглым рекрутам, но и их родственникам, а также лицам, заподозренным в пособничестве им.

Дезертирство получило широкое распространение и непосредственно в армии. За четверть века, с 1826 по 1850 год, из армии дезертировало около 156 тыс. человек [11: с. 328]¹. Высокий уровень дезертирства в войсках предопределялся тоже рекрутской повинностью. В большинстве случаев бегство солдат было проявлением отчаяния, стремлением любой ценой вырваться практически из пожизненной военной службы. С точки зрения состояния войск дезертирство было показателем неблагоприятного положения в русской армии.

Бегство солдат имело и другую сторону. Дезертиры не могли возвратиться домой. По действовавшему законодательству укрывательство беглых рекрутов и солдат жестоко каралось. Преследованиям за укрывательство подвергались даже помещики². Вернуться к своим традиционным занятиям дезертиры не могли. Чаще всего они занимались бродяжничеством, перебивались случайными заработками, промышляли мелкими воровством и грабежами. Тем самым они увеличивали и без того большое число людей, не занятых произ-

¹ Сюда не входит число бежавших, которые были пойманы и возвращены на службу. По отдельным годам количество пойманных дезертиров почти равнялось числу не пойманных. Например, в 1850 г. официальное число бежавших было 3,6 тысячи. Кроме того, 3 тыс. бежали, но были пойманы, и поэтому они не входили в статистику бежавших [34: с. 140]. Следовательно, фактические масштабы дезертирства намного превышали официальные цифры.

² Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета, 12 марта 1812 г. за укрывательство дезертиров помещики подвергались штрафу в 2 тыс. рублей [40].

водительным трудом, являлись одним из источников люмпен-пролетариата в России.

Для ведущих держав Европы период наполеоновских войн стал начальным рубежом в развитии массовых армий. В России этот процесс происходил в условиях господства стареющего, феодального в своей основе способа комплектования войск на основе рекрутской повинности. Неуклонное возрастание численности армии в первой половине XIX века оказывало отрицательное влияние на военный потенциал страны в целом. Армия в качественном отношении постепенно разрушалась, что особенно наглядно проявилось в годы Крымской войны.

В обстановке кризиса феодально-крепостнической системы расширение армии на феодальных основах серьезно сдерживало развитие производительных сил общества. Тем самым вызревание нового способа производства приобретало затяжной характер. Систематическое рекрутирование большой массы населения ломало социальную структуру феодального общества, являлось одной из важнейших причин сокращения крепостного населения. Разрушались основы патриархального уклада жизни народа. Вместе с тем, поглощая значительную часть потока социальной миграции, армия порождала большую прослойку населения, не занятого производительным трудом. В результате процесс вызревания новых социальных групп населения осложнялся и затягивался.

Литература

1. О невыгодах существующей в России военной системы... Л. 15.
2. Ведомость об ассигнованиях на расходы Военного министерства с 1808 по 1822 г., РГВИА. Ф. ВУА. Д. 695.
3. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Отд. II. С. 40.
4. Военно-статистический сборник. — СПб., 1871. Вып. IV.
5. *Гулевич А.* Война и народное хозяйство. — СПб., 1898.
6. *Дибич И.И.* Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде. — СПб., 1802. Т. 1.
7. *Зайончковский А.М.* Восточная война. — СПб., 1908. Т. 1.
8. *Ильяшевич Л.* Статистическое исследование смертности в нашей армии // Военный сборник. — 1863.
9. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г. // Сборник РИО, Т. 98.
10. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 г.
11. *Кабузон В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1971.
12. *Кабузон В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX вв. — М., 1963.
13. *Канкрин Е.Ф.* Очерки политической экономии и финансии. — СПб., 1894.
14. Материалы общего собрания Государственного совета. 6 июля 1931 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7993. Л. 2.

15. Мнение адмирала Мордвинова о комплектовании армии и флота. 1811 г. // РГИА. Ф. 1167. Оп. XVI. Д. 29. Л. 3.
16. *Мордвинов Н.С.* Записки для памяти и соображения. // Архив графов Мордвиновых. — СПб., 1903. Т. IX.
17. О невыгодах существующей в России военной системы и средствах к устранению оных. 29 марта 1856 г. // РГВИА. Ф. I. Оп. I. Т. 46. Д. 1985. Л. 16.
18. О преобразовании системы рекрутского набора. Российская национальная библиотека // Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. Поступлений 1974 г. №37. Л. 6.
19. О существующих системах рекрутских наборов и возможности их применения в России // РНБОР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 637. Д. 1117. Л. 40.
20. Отчеты о расходах Военного министерства за 1805 г. // РГВИА. Ф. I. Оп. I. Д. 948. Л. 2–4.
21. *Печерин Я.И.* Исторический обзор росписей государственных расходов и доходов с 1803 по 1843 г. — СПб., 1898. Т. I.
22. Рапорт дежурного генерала от 18 мая 1820 г. // РГВИА. Ф. ВВА. Д. 682. Л. 45.
23. РГВИ. Ф. 395. Оп. 174. Д. 87, 97, 101.
24. РГВИА. Ф. 1164. Оп. XVI. 1810 г. Д. I. Л. 153.
25. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 309. Л. 31. Там же: Ф. ВУА. Д. 690. Л. 2.
26. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 2497. Л. 5.
27. РГВИА. Ф. I. Оп. I. Т. 4. Д. 7993. Л. 2.
28. РГВИА. Ф. 395. Оп. 119. Д. 326. Л. 8.
29. РГИА. Ф. 1164. Оп. XVI. 1810 г. Д. 1. Л. 152.
30. *Редигер А.Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. — СПб., 1982. Ч. 1.
31. РНБ ОР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 637. Д. 150. Л. I.
32. *Сидоренко Г.* Рекрутская повинность. Значение в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие в России. — Киев, 1869.
33. Столетие военного министерства. — СПб., 1907. Т. IV. Ч. II. Кн. I. Отд. II.
34. РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 2296.
35. РГВИА. Ф. 1. Д. 9084.
36. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 19.
37. РГВИА. Ф. 395. Оп. 27. Д. 217. Л. 224.
38. Русский инвалид. — 1862, №67.
39. ПСЗ. Т. 32. №25029.